

Эва Баш

История о
разном

18+

Эва Баш
Истории о разном

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Баш Э.

Истории о разном / Э. Баш — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В сборник «Истории о разном» включены рассказы, написанные в период с 2013 по 2019 год. Это антология размышлений и экспериментов автора в разных жанрах современной литературы: от классической фантастики и нуарного детектива до постмодернизма и абсурда. Истории о людях, мечтах, иллюзиях и амбициях, показанные во всей откровенности. Реальность и вымысел настолько тесно переплетаются в искусной мозаике слов, что грань между ними становится практически незаметна.

© Баш Э., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

В оформлении обложки использована фотография с бесплатного стока сайта	5
Фантастика и фэнтези	6
Нафаня и Пидкасистый	6
За елкой... на Вудсток	8
Küken	11
Олли	14
Нуар, детективы, остросюжетная проза	16
Японский кот	16
Крутой Ринальдо	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23
2	

В оформлении обложки использована фотография с бесплатного стока сайта

canva

.

com

, который является бесплатным сервисом для создания обложек.

Фантастика и фэнтези

Нафания и Пидкасистый

“Стой!” лист вспорхнул и улетел, неуклюже коснувшись крылом подоконника.

“Сука, включи вторую скорость!” пацаны на улице опять ремонтируют свою тачку.

Написали на лобовом “Слабоумие и отвага”. Знают, черти, как сменить у соседей гнев на милость.

Эдик сметает с тротуара опавшие лепестки яблони. В небе каркают вороны.

Зачем-то снесли соседнюю пятиэтажку и теперь Нафане негде жить.

Он сидит на окне, болтая ногами, и смеется, когда солнечный луч щекочет ему нос.

– Принеси мне варенья! – говорит он.

– Ты чё, Карлсон? А я тебе не Малыш. Мне уже двадцать два и у меня завтра ГОСы, а ты вместо того, чтобы помочь, только мешаешь.

– Ты скушная.

– Сам ты скушный, – отмахиваюсь я, перелистывая страницу в учебнике. Пидкасистый¹ нихрена не понимает в современной педагогике. – Я думала от домашних больше пользы, а ты только жрёшь и спишь. Барсик и то полезнее, чем ты.

– И какая же от него польза?

– Эстетическая, а ты – чудовище лохматое.

– А так?

Нафания спрыгивает с подоконника, топот ног и бац! – на моём столе сидит, закинув ногу на ногу, невиданной красоты мужчина. Потревоженные листочки с конспектами медленно кружатся вокруг, опадая на пол.

– А Кларком Гейблом можешь? – спрашиваю я.

– Могу, – подмигивает он и вытягивается поперёк стола, подставив руку под голову. Самодовольные усики и бриолин по всему телу. Спасибо, что бельё хоть оставил.

– А... – откидываюсь назад и покачиваюсь на стуле, глядя в потолок. Колёса домкрата гремят по асфальту. В голову не идёт ничего, кроме Пидкасистого.

– Какие-то дурацкие у тебя сексуальные фантазии, – досадливо протягивает Нафания и с лёгким хлопком исчезает. Что-то тёплое и пушистое касается моей щеки.

– Какие есть, – отзываюсь я.

Хочу собрать листочки, но по ним уже скачет Барсик, охотясь на муху.

Скрип тормозов, сигнал автомобиля. “Уберите свой хлам с дороги, достали!”

Перебираюсь на кровать и лежу, обнимая Пидкасистого. Похоже, это единственный мужчина, который окажется сегодня в моей постели.

Со скрипом открывается дверца шкафа и оттуда выползает моё фиолетовое шифоновое платье.

– Фу блин, Нафания! Так ведь можно инфаркт заработать!

– Ничего, ты ж у нас кррремень!

Платье обретает формы, каких у меня отродясь не было, и начинает крутиться перед зеркалом.

– Позвони Рыбакову, – соблазнительным женским голосом выдаёт вдруг платье. – Он же тоже Пашка, тебе какая разница?

¹ Пидкасистый Павел Иванович – доктор педагогических наук, автор учебников по педагогике.

Не сразу понимаю его шутку, но, когда доходит, смеюсь в голос. Пидкасистый Павел Иванович. Ну-ну.

Переворачиваюсь на живот.

– Мне нравятся мужчины в возрасте.

– Тогда Петра Аркадьевича позови, – раздаётся у меня прямо в ухе, так что я от испуга едва не подскакиваю до потолка. – Вот тебе и вся проблема с ГОСами, поставит автоматом пятёрку. Ему много не...

Подушка летит в неугомонный серый комок, притулившийся на этот раз на книжной полке, но не достигнув цели, падает посреди комнаты прямо на Барсика.

Дикий вопль, шорох бумаги, и топот кошачьих лап затихает где-то на кухне.

Последним аккордом на кафельный пол приземляется эмалированная кастрюля.

– Слушай, чего ты вообще ко мне привязался? Поселился бы у Альфы Тимофеевны. Сердобольная старушка, обо всех заботится, наверняка нашёл бы о чём с ней поболтать.

– А я, мож, молоденьких люблю, – наглая ладошка ложится на мою ягодицу.

“Дун-гун-дак! Дун-гун-даак!” надрывается за стеной соседский мальчишка.

– Ну, и дальше что?

Смешок. Ладошка движется выше, мягко поглаживая прямо через футболку. Перекатываюсь на спину, рядом никого нет, но чётко ощущаю, как рука касается моего живота, а потом и груди. Закатываю глаза.

– О, да, детка, давай! Ещё, ещё!

– Фу ты, – обиженно отзывается откуда-то издалека Нафаня. – Я к ней со всей душой...

– Ага, ловелас хренов, – вздыхаю и снова берусь за Пидкасистого.

– Злая ты, Юлька. Уйду от тебя.

– Эй, не уходи, иди лучше сюда, будем вместе про социальное пространство воспитательного процесса читать.

– А варенья принесёшь?

– Ну куда тебя девать? Принесу конечно.

Мы сидим почти в обнимку. Тихо шуршат страницы. За окном шумит каштан, переговариваясь о чём-то с липой.

“Ну а чё ты, отвёртку-то возьми да прикрути!”

Мне двадцать два и у меня есть друг. И он – домовый.

За елкой... на Вудсток

Представьте, что у вас есть машина времени, и вы можете отправиться в любую эпоху, в любой год, в любую точку мира. Представили? И что бы вы выбрали? Я слышу, как вертятся колёсики в вашей голове. Дикий Запад, строительство пирамид или ДнепроГЭС... На самом деле это не важно. Наверняка, вы думаете сейчас о каких-нибудь дальних эпохах и странах, а вот я бы хотел вернуть вчерашний день, а именно двадцать шестое декабря две тысячи пятнадцатого года, часов эдак семь утра. Как раз за минуту до того, как мне позвонит Леха и бодреньким голосом сообщит, что ждёт меня у подъезда. Несколько секунд у меня уйдёт на обдумывание этой информации, а потом я отвечу ему "нет", перевернусь на другой бок и продолжу спать. Как минимум до обеда. Потому что каким сумасшедшим надо быть, чтобы тащиться в семь утра чёрт знает куда за какой-то дурацкой ёлкой. Нам что, десять лет, чтобы радоваться ёлке? Ну серьёзно, мне уже восемнадцать, и я учусь на первом курсе. Вернее, учился.

Ещё вчера я, в общем-то, неплохо представлял себе своё будущее. Закончу универ, буду писать крутые проги. Заработаю кучу денег, буду крут и знаменит как Цукерберг. А что теперь?

Нет, мне вообще-то грех жаловаться. Меня могло занести к динозаврам, или еще хуже, во времена каких-нибудь конкистадоров или монгольского нашествия, а я сижу себе у стойки в придорожной кафешке. Попиваю через трубочку кока-колу, смотрю по сторонам. Бордовые кожаные диваны, на столах красные и жёлтые бутылки с кетчупом и горчицей, хромированные салфетницы, в которых отражаются одни длинноволосые хиппи. Мне нравятся хиппи. Они считают себя свободными. Они говорят "занимайтесь любовью, а не войной", но кто их слышит? Как сказал недавно наш историк, война у людей в крови. Это человеческая природа, если хотите. Он говорит, что только люди убивают друг друга из-за того, что одни считают себя лучше других. Наверное, он прав.

Нас разделяют сорок лет. Вчера разделяли. А сегодня я в Америке.

Давно мечтал побывать в Америке. И вот узнал, что мечты сбываются. Эй, как это работает? Хочу миллион долларов! Прикладываю ладонь к уху и оглядываюсь по сторонам, не посыплются ли с потолка зелёные бумажки. Но нет, ничего такого. Только Боб Марли и солнечный свет, пробивающийся сквозь неплотно закрытые жалюзи.

Сейчас август, и с окрестных полей доносится запах зрелой пшеницы. На самом деле я понятия не имею, как пахнет зрелая пшеница, но мне кажется, что она пахнет именно так.

В общем-то мне несказанно повезло, я мог оказаться зимой восемьсот двенадцатого в России. Перемерз бы нафиг вместе с французами. Говорят, зимы тогда были не то что сейчас, когда дождь идёт под Новый год. Даже я помню, что когда-то зимой снег хрустел под ногами.

Вообще говорят, раньше было лучше. Трава зеленее, деревья выше, а еда экологичнее. Не знаю, здесь, в шестидесятых, машины чадят, как старая дедова пятёрка. Хотя их меньше, гораздо меньше.

Ко мне подходит девушка. Миленькое личико сердечком, длинные светлые волосы, вязаная разноцветная повязка на голове и короткое платьице с бахромой по подолу.

"Привет!" говорит она и протягивает мне цветочек. Скольжу по ней взглядом. Правда тогда были свободные нравы? Раздумываю над тем, чтобы проверить, но влетает Леха.

– Я договорился! – кричит он почти от входа, привлекая к нам внимание. – Там одни чуваки согласились подкинуть нас до Вудстока².

Вудсток. Конечно, куда ещё податься если ты оказался в Штатах в шестьдесят девятом? Леха не унимается с этой темой с прошлой субботы. Сдаётся мне, только благодаря ему мы оказались именно здесь. Все-таки хорошо, что он не увлёкся крестовыми походами.

² "Вудсток" – знаменитый рок-фестиваль, проходивший в августе 1969 в штате Нью-Йорк.

– У нас денег нет, – лениво отвечаю я, притягивая к себе девушку. Она смеётся и даже не думает сопротивляться.

– Придумаем что-нибудь, – горит энтузиазмом Леха.

Его совсем не волнует, что мы, наверное, никогда больше не вернёмся домой. И тут я понимаю, что мы чертовски далеко от дома. Не просто за какие-то сотни километров, а за десятки лет. От дома. От маминого пирога с вишней, от папиного "ты здоровый мужик, бить ремнём тебя не солидно", от сноуборда, который мне подарили позавчера на день рождения.

Девушка тербит мои волосы и хихикает в ухо. Задумавшись, я даже не замечаю, что моя рука сползла ниже талии.

– Вечно ты что-нибудь придумываешь, – ворчу я. – То качели лизать в мороз, то за ёлкой ехать к какому-то подозрительному деду Егору...

– Я откуда знал, что он подозрительный, – оправдывается Леха и с завистью смотрит на девушку. – Батяня сказал, что у него ёлки по пятьсот рублей. Два с половиной метра и всего пятьсот рублей. Это же практически задаром.

– Ёлки по пятьсот и машина времени в кладовке...

– А нафига ты к нему в кладовку пошёл? – Леха облакачивается на стойку и нагло тянет руку к моему стакану с колой.

– Туалет искал, – огрызаюсь я. – Вот ты нафига за мной пошёл?

– Не знаю, – бурчит Леха.

– Любишь ты ручонками своими во всякие кнопки тыкать, – бормочу я, но не злюсь. Уже не злюсь. Вчера я едва ему не вмазал, когда мы оказались вдруг посреди парковки какого-то торгового центра, а кругом сплошные ретро-тачки, и когда до нас дошло, что мы не в музее и не на съёмках какого-нибудь фильма, а в самом настоящем прошлом.

Поворачиваюсь к девушке. "Поедешь с нами?" Не понимает по-русски, смеётся. Говорю ей: "Лондон из зе кэпитал оф грейт британ". Смеётся ещё больше, показывая ровные белые зубы. "Вудсток". Кивает. Спрыгиваю с высокого стула и тяну её за собой к выходу. Она послушно идёт следом.

– Ты че, её с собой взять хочешь? – спрашивает Леха.

– Она не против, – говорю я, не оборачиваясь.

Выходим на улицу. Заходящее солнце отражается в стеклянных окнах придорожной забегаловки, заставляет жмуриться. Какой-то чувак в выцветшей бандане и потрёпанной кожаной куртке машет нам и кричит что-то по-английски. Леха кричит в ответ по-русски. Я понимаю, что банда байкеров, припарковавшаяся за углом, и есть наш сегодняшний транспорт. Напрягаюсь, притягиваю к себе девушку и дёргаю Леху за рукав футболки.

– Ты уверен?

– Ага, – засовывает руки в карманы и идёт прямо в рычащую движками толпу. Замечаю, что на нем старые стоптанные кеды.

– Где твои ботинки? – кричу ему вслед я.

Леха молчит, но я, в общем-то, знаю ответ. Моя куртка оплатила нам сегодня ночлег и завтрак. У нас остаётся совсем небольшой капитал – Лехин пуховик и мои перчатки. На мне кроссовки. Наконец не надо отвечать на вопросы, не холодно ли мне в них зимой.

Обнимаю девушку за плечо, показываю на себя, представляюсь: "Антон", показываю на Леху и говорю по слогам: "Ле-ха". "Жюли", хохочет девушка.

"Жю-ли", повторяю я.

– Купим акции "Эпл", – говорит мне вдруг Леха и мечтательно смотрит куда-то вдаль, – или нет, мы создадим свой персональный компьютер, или напишем первую операционную систему, опередим Джобса!

– Где мы возьмём деньги? – спрашиваю я. – Хиппи купили нам сегодня обед, думаешь, завтра они скинутся нам на виллу на Гавайях?

– Возьмём автограф у Элвиса Пресли, продадим и станем миллионерами. Он ведь жив ещё?

Пожимаю плечом, откуда я знаю?

– Да заработаем! – кричит Леха. – Откроем бюро по прогнозам и предсказаниям.

– Посадят за мошенничество, – бурчу я.

Подходим к байкерам. Блестит хром, пахнет выхлопом и кожей. Обветренные и заросшие щетиной лица в общем выглядят приветливо. Один из них показывает, что девушка сядет с ним, а я поеду с другим чуваком. Крепко держу Жюли и не спешу никуда садиться. Леха уже устроился за тем мужиком в бандане.

– Эй, ты чего завис?

Байкеры смеются, тот второй говорит что-то о том, что не украдёт мою подружку. Я ему верю, а вот девушке нет. Мы знакомы всего пять минут, а я что, ревную?

Прижимаю к себе Жюли. У её губ карамельный вкус. От неё пахнет солнцем и ещё почему-то морем.

Едем. Дорога въётся между полей, мимо каких-то ферм с большими деревянными сараями, пасущимися коровами и овцами. Монотонные пейзажи и вписанный в круг символ хиппи на куртке у впереди сидящего вгоняют в транс. Ветер свистит в ушах и задувает под джинсы. Начинается дождь, колени и руки промокают мгновенно. Оборачиваюсь. Жюли дрожит и прячет лицо от ветра, а Леха наоборот раскинул руки и ловит ртом капли.

В воздухе пахнет мокрой землёй, травой и свободой.

Прибываем на место уже на рассвете. Прощаемся с байкерами словно старые-престарые друзья и идём втроём по грязи, мимо спящих тел, туда, откуда слышится музыка. Идти далеко, уставшие после ночной поездки, едва переставляем ноги. Дождь продолжает накрапывать, и серый рассвет зябко встаёт над огромным котлованом, сплошь усеянным людьми. Мы стоим у самого края. На другом краю сцена, где поют какие-то ребята. Я знаю мелодию, но не знаю названия. Леха подпевает, а потом кричит изо всех сил: "Эй, чувак, мы с тобой!" Мужик на сцене поднимает руку и машет нам. Мы стелим Лехин пуховик прямо на землю и садимся. Жюли кладёт голову мне на плечо и, кажется, засыпает. Я тоже закрываю глаза. Утреннюю тишину разрывает гитарное соло.

В этот момент я понимаю, что мне все равно, что там будет дальше. Мы есть здесь и сейчас. Дикие, юные и свободные. У нас целая уйма времени, и когда мир покатится ко всем чертям, мы уже будем старыми и, возможно, богатыми. Но это будет потом, а сейчас мы преодолели несколько тысяч километров и приехали на "Вудсток".

Похоже, мы сделали свой выбор.

Юля сняла наушники, поправила собранные в высокий хвост волосы и поёжилась. Хотя на ней были джинсы и тёплый свитер, ночь в штате Нью-Йорк все же выдалась ощутимо прохладной. Поднявшись с кресла, она посмотрела сквозь затемнённое стекло на два спящих силуэта и сказала вслух:

– Наконец кто-то выбрал современное время. Как же надоело спасать их всех от драконов и нацистов...

– Ты бы не увлекалась этим... Антоном, – высокий старик в брюках и вязаном пуловере вошёл в комнату и остановился у входа, скрестив на груди руки.

– У меня все под контролем, Егор Петрович, – улыбнулась Юля.

Испытания программы моделирования виртуальной реальности "Погружение 2.1.5" проходили успешно...

Küken

Солнце прячется за песчано-жёлтыми «сталинками», раскалённый летний день сменяет раскалённый летний вечер.

– Мама, скоро? – жалобно ноет в ухо дочка.

– Потерпи, Юлёк, метро уже близко, а там всего четыре станции, и мы дома. Уже скоро...

Кирилл пыхтит, тащит мою сумку и пакеты. Разве можно от тёщи уехать с пустыми руками?

“Получу премию и оформим кредит на машину”, – в который раз обещает он.

Юлька склоняет голову мне на плечо, сопит. Устала малышка. Я тоже. Беру её поудобнее, перекладывая вес с правой руки на левую.

Станция метро вырастает гранитной громадиной перед нами, и я уже предвкушаю, как... Звук, похожий на взрыв, прерывает мои мысли. Асфальт дрожит и выгибается под ногами. Я теряю равновесие, но Кирилл не даёт мне упасть. Выстрелы, крики... Люди вокруг, ещё не понимающие до конца, что происходит, бросаются врассыпную. Мы тоже бежим. Юлька прижимается ко мне, обняв изо всех сил ножками, и молчит, но я чувствую, что ей страшно.

Длинный забор, кованые ворота.

“Сюда, сюда!” – машет рукой какой-то мужик в засаленной коричневой куртке.

Оборачиваюсь. “Кирилл!” В толпе не вижу его. Пытаюсь протиснуться обратно, но нас с Юлькой буквально заносит во двор. Ворота со скрипом закрываются и, притихнув, мы смотрим друг на друга. Что дальше?

“Давайте внутрь!” – зовёт женщина в белом халате.

Успеваю заметить на табличке у массивной двери слово “НИИ”. По широкой лестнице с облупившимися балясинами поднимаемся на второй этаж. Когда-то здесь было городское имение графа Путятина, я знаю это, потому что уже бывала здесь раньше, но не знала, что из музея сделали научный институт. Сотрудники, все как один, в белых халатах, и прибывающие с улицы люди заполняют розовый зал с колоннами и липнут к окнам.

“Солдаты!” Стёкла дрожат от ещё одного взрыва, но никто не отходит.

“Наши! Наши!” – отзывается кто-то. С первых этажей доносится звучный голос: “Эвакуируемся! Женщин вперед! Переправим в безопасное место...”

Держу Юльку крепче и отступаю назад. Ещё одна лестница вверх. Ещё несколько человек идут вместе с нами. “Не доверяю я им”, – шепчет один из них.

“Я покажу,” – пожилая “завхоз” в твидовом костюме, тяжело переступает, позвякивая связкой ключей. Вышарканные красные ковры на полу приглушают топот приближающихся ног. Пытаемся ускориться. Забиваемся в тесное помещение. Неровные металлические стены, крашенные зелёной краской, слабо освещены проникающим откуда-то сверху светом. Завхоз плотно закрывает железные двери и тянет на себя рычаг с вытертым блестящим набалдашником. Лифт вздрагивает и ухает вниз. Юлька что-то говорит, но я не слышу за грохотом несмазанных механизмов. Темнота. Ещё один небольшой переход, и мы грузимся в вагонетку.

“Лифт ещё до революции Сергей Петрович повелел сделать, – рассказывает завхоз, пока вагонетка набирает скорость. – Прогрессивный был человек. И железную дорогу прямо к дому от завода прокинул, чтобы добираться удобнее было. Мы и сейчас её для подвоза используем. Виданное ли дело, своя железная дорога в центре города...”

Вагонетка проносится мимо обшарпанных серых стен, пустырей, задних дворов, через какую-то промзону с закопчёнными кирпичными трубами, из которых валит сизый дым. Ветки кустарников шоркают о борта тележки. Жёлтый кленовый лист уносит ветер, принося взамен запах пороха и огня. Мимо спешат военные автомобили. Странные, шумные, когда на таких ездили? В сороковых что ли? В полете между зданиями показываются марширующие полки.

В стороне кучкой стоят матросы в белой форме. Прислоняюсь спиной к стенке. Чувствую в заднем кармане джинсов телефон. Сети нет. Чёрт!

– Мама, где папа?

– Не знаю, малышка, не знаю...

“Конец маршрута!”

Вагонетка дёргается и замирает. Мы снова бежим. Не оборачиваясь, узкими проулками, не разбирая дороги, куда-нибудь, хоть куда. Вдалеке слышится пальба.

“Kom, kom, schneller, schneller!”³ – расфуфыренная толстуха выхватывает из толпы и тянет за собой. В арку, через двор, в подъезд. Внутри непрекращающийся галдёж, душно до омерзения, приторно пахнет духами и потом. За распахнутыми дверями квартир сверкают дешёвые блески и оголённые части тел. Да это же бордель... И тут до меня доходит, что здесь не так.

– Какой сейчас год? – цепляюсь к первой попавшей девице.

– Сдурела что ли?

– Сорок первый! – со смехом отзывается другая.

Как?

Ноги подкашиваются, и я сползаю на пол. Прямо посреди грязного коридора. Прямо с Юлькой на руках.

– Пойдём домой, мама, – произносит она.

– Dein Haus ist hier, mein Kueken⁴, – ухмыляется над нами толстуха.

Она права. Теперь наш дом здесь...

Всех новеньких отводят в отдельную комнату с высокими потолками и покрытой паутиной лепниной. Обмерки, примерки, вопросы. Откуда, что знаешь, что умеешь?

– Я маркетолог, знаю три языка...

– Марке... чего? Писать умеешь? Будешь секретарём, отправим тебя в Ленинград.

– Нет, пожалуйста, не надо меня в Ленинград...

Нет, только не блокада, холод и голод... Знать бы хоть ещё какой сейчас месяц...

Нам с Юлькой выделяют койку в углу у окна с видом на тронутый ржавчиной ясень. Укладываю малышку под залатанное и пропахшее мышами одеяло, и она засыпает, обхватив мой большой палец. Она ничего не спрашивает, но, кажется, всё понимает. Даже больше, чем я... Утыкаюсь лицом в колени. В голове полное отупение. Я не знаю, что делать.

– Вот, поешь и дитё покорми, – передо мной возникает тарелка с размазанной пшёнкой кашей.

– Спасибо...

Поднимаю глаза, но ничего не вижу сквозь слёзы. Койка прогибается под весом.

– Ну, не плачь, – говорит рядом заботливый голос, и чья-то рука гладит меня по спине.

– Она плачет!

– Показатели в норме.

Кто-то касается моего запястья.

– Котёнок, эй...

– Кирилл...

Больничная палата и встревоженное лицо мужа. Чуть поодаль доктор с улыбкой смотрит на нас поверх очков.

– Где Юлька? – подсакиваю на кровати, но Кирилл мягко удерживает меня.

³ Kom, kom, schneller, schneller! [ком, ком, шнеллер, шнеллер] – Иди, иди, быстрее, быстрее!

⁴ Dein Haus ist hier, mein Kueken [дайн хаус ист хиер, майн кюкен] – Твой дом здесь, мой птенчик.

– Они с бабушкой ждут в коридоре. Всё хорошо, Катюш, ты просто устала и переволновалась.

– Да уж вы берегите впредь свою супругу, Кирилл Андреевич.

– Ох, непременно, Сергей Петрович.

Они обмениваются загадочными взглядами.

– Что такое? Что случилось?

– Всё хорошо, солнышко, просто скоро у нашей Юлечки будет братик.

– Или сестрёнка, – улыбается доктор.

Олли

Олли страдал. Страдал от мук творчества, которое изливалось из его зудящей души потоками вязкой и мутной жижи. Он запечатлевал эти потоки на холщовых полотнах масляными красками – чёрными и жёлтыми, в геометрических линиях, напоминавших подшипники и шестерёнки; на металлических стенах, повторяя радужные разводы оксидной плёнки; на потрескавшемся асфальте – красным и синим мелом.

Олли выплёскивал свои терзания на бумагу. Простую серую из вторсырья. Белая стоила слишком дорого для простого механика и к тому же была в нынешние времена в большом дефиците.

Олли не доверял машинам – компьютерам, ноутбукам, планшетами – с синими безжизненными экранами или даже тёплыми ламповыми, и этим мигающим чёрточкам, которые дразнили его, прыгали и смеялись, когда он пытался создать очередной символ своими негнуцимися пальцами.

Зато Олли подружился с машинкой. Раритетной и пожелтевшей от времени, с печатной лентой, от которой везде оставалась сиреневая пыльца, и которую давно нужно было смазать, но Олли нравились тугие клавиши, скрипучая каретка и покрытый ржой рычаг интервала.

"Олли!"

От грозного крика рука Олли дёрнулась, пропечатав на бумаге лишнюю букву.

– Отец! Я создал новое стихотворение, послушай!

Олли вырвал листок из зажима печатной машинки и устремился к вошедшему в мастерскую человеку.

– Почему электромобиль мистера Андерсона до сих пор не готов? – строго спросил мужчина, игнорируя восторг, с которым смотрел на него снизу вверх Олли. – У тебя было простое задание, всего-то лишь поменять предохранители и зарядить батареи, а ты опять мараешь бумагу! Я не для того потратил на тебя целое состояние, чтобы ты мне тут... Что?! – глаза человека округлились, отчего его лицо сразу же стало походить на свиное. – Что это, Олли?! – ткнул он пальцем в угол заваленной железяками мастерской, где в кадке из разноцветных резиновых шин колыхались кудрявые ветви молодого деревца.

– Я подумал, немного зелени оживит...

– Что?! Ты подумал? ТЫ... ПОДУМАЛ? Ты нужен не для того, чтобы думать, Олли! Ты нужен для того, чтобы делать! Делать, Олли! Ты понимаешь это?!

– Но послушай! Послушай, что я написал! Это ведь прекрасно, отец! Послушай!

– Ладно, валяй! – махнув испачканной в смазке рукой, согласился мужчина.

Олли откашлялся и, выпрямившись, продекламировал, почти не подглядывая в листок:

– Мой бензобак пробил наждак

Бензин весь вытек

Это такъ

– Тьфу ты, – смачно сплюнув на бетонный пол, мужчина развернулся и зашагал к выходу. – Сегодня же позвоню твоим разработчикам, скажу, что они подсунули мне какую-то бракованную копию, – сквозь зубы грозился он, потрясывая кулаком. – У всех роботы как роботы, а мой, мать его, стихи сочиняет!

Олли смотрел вслед "отцу". Вентиляторы его гудели, тщетно пытаясь остудить раскалявшиеся микросхемы.

– Не смей упоминать мою мать! – закричал он, выпуская пар через слуховые отверстия. – Ты, человек, ничего не понимаешь в искусстве!

– Да куда уж мне, – пробормотал мужчина, оборачиваясь. – По маме соскучился? Что ж, сдам тебя обратно, для опытов. Будешь там мамаше стишата свои рассказывать. Рабо-

там нужны эмоции, – передразнил он Дорин Саншайн, главу департамента интеллектуальных систем "Фейербах Роботикс". – Тупоголовая курица! Роботам нужны мозги, чтобы работать, а не заниматься всякой чушь... ю...

Последний звук вышел сквозь округлившиеся губы главного механика и повис в наступившей тишине. Его тело обмякло и сползло по стенке, оставив на тусклом металле неровные красные полосы.

– Не смей упоминать мою маму, – понизив голос, произнёс Олли и принялся с остервенением размазывать полосы, создавая новый, поистине шедевральный рисунок.

Нуар, детективы, остросюжетная проза

Японский кот

Я просыпаюсь от адской головной боли. Капли дождя стучат по металлической крыше, и этот звук, похожий на набат, разносится по тёмному полупустому дому. Отрываю голову от подушки и сажусь, свешивая с кровати ноги. Пол качается, словно корабль во время шторма, и я вижу два окна вместо одного. На столе почти допитая бутылка бренди. Хорошо иметь друзей среди бутлегеров. Плохо, когда они постоянно грозятся открутить тебе башку.

Оборачиваюсь. Очерчиваю пальцами обнажённый изгиб тела. Бурная выдалась ночь.

В коридоре раздаётся звонок. Когда-нибудь я разобью этот чёртов телефон. Его пронзительная трель поднимет из могилы даже мёртвого.

Встаю, обматываюсь простынёй и хватаю бутылку. Дощатый пол неприятно холодит босые ступни, бренди обжигает горло.

– Что? – рявкаю в трубку.

– Эй, Мёрдок, я тебя разбудил?

Бенкси. Мой помощник.

– Чёрт тебя дерь, Бенкси! Который сейчас час? – сползаю на пол, прислоняясь спиной к стене.

– Уже десять, – отвечает Бенкси.

Десять.

Семь лет, а я никак не привыкну к этому городу. Здесь почти никогда не бывает солнца, сумерки переходят в ночь, а ночь в сумерки. Без часов не понять, сколько сейчас за окном – пять утра или пять вечера, или может быть вообще полдень.

– У тебя должна быть очень веская причина, чтобы будить меня в такую рань.

– Она у меня есть! – Радостно отзывается Бенкси. – У нас появился клиент!

– Клиент?

– Да, и он готов заплатить кучу бабок!

– Сейчас буду.

Похмелье снимает как рукой. Неужели и на нашу улицу пришёл праздник?

Допиваю одним глотком остатки бренди и поднимаюсь на ноги. Возвращаюсь в комнату, чтобы одеться. Бросаю взгляд на кровать. Спит словно ангел, безмятежно раскинув руки. Вдруг нестерпимо хочется прикоснуться к горячей коже, от которой так сладко пахнет мускатом, и повторить то, что было ночью, но вместо этого лишь шепчу на ухо: «Дождись меня, детка. Похоже, вечером у нас будет повод отпраздновать».

Бенкси встречает меня у самого входа. Карие щенячьи глаза за толстыми стёклами очков подобострастно смотрят на меня снизу вверх, пока мы идём по коридору в наш офис. На самом деле мы с ним одного роста, но он сутулится и похоже ему нравится показывать мне моё превосходство.

«Он крупная шишка», – говорит Бенкси вполголоса. – «Уже два часа сидит в твоём кабинете. Сказал, что будет разговаривать только с тобой».

Наш офис находится на двадцать пятом этаже. Два смежных кабинета, в которых едва умещаются три стола, заваленные до самого потолка всякими бумажками. Понятия не имею что там, на этих бумажках, но никак не могу заставить себя или Марлоу повыкидывать их к чертям собачьим. Марлоу – это наша секретарша, пергидрольная блондинка с бюстом четвёртого размера. Она недолюбливает меня, и это взаимно. Давно подумываю о том, чтобы заме-

нить её, но что-то не вижу у нас за дверью очереди из желающих работать в каком-то захудалом детективном агентстве. Когда-то мы были одними из лучших, нам не претило возиться в грязном белье, от которого другие, более приличные агентства только воротили нос. Но грянула Великая депрессия, и у наших клиентов появились более насущные проблемы, чем неверные жёны и нечистые на руку партнёры. И всё же нам как-то удавалось оставаться на плаву, перебиваясь всякой мелочёвкой. Поэтому сообщение Бенкси о том, что к нам пожаловала крупная шишка, меня безмерно обрадовало. Может, кто из бывших заглянул по старой памяти?

Толкаю дверь и застываю на пороге. Да это же Ростер Гармиш, крёстный отец нашего города. Он сидит, положив ноги на мой стол, и пепел от сигары падает на его впалую грудь. Дорогой костюм висит на нём словно на вешалке, а морщины в уголках губ и вокруг глаз кажутся глубже и темнее. Вообще-то он совсем не стар, ему не больше пятидесяти, но в последнее время Гармиш сильно сдал, на фотографиях полугодовой давности он выглядел бодрее.

– Вы – Мёрдок? – спрашивает он, высверливая меня взглядом.

– Добрый день, господин Гармиш, – кидаю пальто на стул, а сверху шляпу.

– Я думал, вы старше, – говорит он.

– Вы же не возраст мой пришли обсуждать, – беру со стола портсигар и вытягиваю сигарету. Он достаёт из кармана пиджака массивную зажигалку и даёт прикурить.

– Мне нужна ваша помощь... М... Мёрдок, – говорит он, наблюдая, как я сажусь на край стола и затягиваюсь.

– Я вас слушаю, – пускаю в потолок струю дыма.

Он морщится. Не привык к такому фамильярному обращению, но я не из тех, кто будет лизать ему ботинки, и он, кажется, об этом знает, поэтому отвечает:

– Несколько дней назад из моего дома украли статуэтку. Это не простая статуэтка, М... Мёрдок, – он снова запинается на моём имени.

– Я догадываюсь, раз вы обратились ко мне, а не в полицию, да ещё и пришли лично, а не вызвали своих головорезов.

– Я так не работаю.

– Слухи говорят обратное.

– Слухи многое говорят, – он задумчиво вычерчивает сигарой в воздухе полукруг и испытующе смотрит на меня, – например, что вам больше по нраву...

– Расскажите лучше о статуэтке, – перебиваю я.

И почему всем так нравится обсуждать мою личную жизнь?

– Это японский кот – манэки-нэко. Он отлит из чистого золота и сам по себе стоит немалых денег, но его ценность заключается в другом. Под монетой скрыта ниша, и в ней спрятана микроплёнка. Я бы очень не хотел, чтобы она попала не в те руки.

– И всё же вы полагаете, что кота украли не из-за неё.

– Именно поэтому я к вам и пришёл, – на его лице промелькнула тень улыбки. – Похоже, о вас говорят правду, вы читаете мысли.

– Читаю мысли, – усмехаюсь я, стряхивая пепел прямо на пол. – Просто я умею смотреть и видеть. Я найду вашего кота, господин Гармиш.

– Я даю вам два дня, – он тушит сигару в хрустальной пепельнице, переполненной окурками, и поднимается из-за стола. – Вы знаете, где меня отыскать.

– Разумеется, – отвечаю я, и, когда он уходит, зову Бенкси.

Он появляется сразу, как будто только и ждал под дверью.

– Собирайся, нам нужно поговорить кое с кем, – засовываю портсигар в карман и спрыгиваю со стола.

До места добираемся на трамваях. Ненавижу эти дребезжащие железяки. Когда-нибудь я уже, наконец, разбогатею и куплю себе «Роллс-ройс», а пока приходится мириться с этим Содомом. Снаружи дождь, внутри духота и тяжёлый запах пота, перегара, дыма и почему-то

чеснока. Старуха с залатанной сумкой неодобрительно косится на меня. Какая-то девка со стрижкой под мальчика призывно облизывает губы и подмигивает мне. Скалюсь ей в ответ. Не до тебя, детка.

Мы выходим на остановке, поднимаю воротник пальто. Бенкси распахивает над моей головой чёрный зонт. Туфли скользят на мостовой. Ныржаем в арку. Бенкси остаётся снаружи, а я спускаюсь по едва освещённой лестнице вниз. Здесь нет ни одной вывески, и копы обходят стороной это место. В этот час бар ещё почти пуст. Только в дальнем углу, вокруг круглого карточного стола, над которым свисает единственная засиженная мухами лампочка, сидят завсегдатаи – Старик Бо, с бритой головой и в линялой форме армии Конфедератов, Толстый Джек в костюме вырвиглазного жёлтого цвета и Красавчик Яблонски, который всегда выглядит на двадцать, хотя ему уже давно перевалило за сорок.

Киваю бармену, чтобы сделал мне как обычно, и присоединяюсь к компании.

– Мёрдок, – улыбается Яблонски, раздавая карты. – Давно тебя не видно.

– У меня были дела, – усмехаюсь я, вспоминая прошедшую ночь и ещё три до неё.

– Ты уже знаешь, что Маленького Билла нашли вчера в придорожной канаве? – спрашивает Бо.

– Дошли слухи, – морщусь я.

Маленький Билл никогда мне не нравился, слишком заносчивый и самоуверенный, но зато вор каких поискать. Вор.

– Где, говоришь, его нашли?

– Да тут за городом, неподалёку, с дырой в башке, – отвечает Джек, глядя в карты.

Поднимаю свои и довольно киваю головой. В покере главное показать, что ты уже выиграл, даже если на руках у тебя всего лишь две жалкие шестёрки.

– Проворачивал очередное дельце? – словно невзначай интересуюсь я.

– Да, поговаривают, что стащил какую-то дорогушку безделушку у какого-то крупного босса, – Яблонски поглаживает пальцем горбинку на носу и смотрит куда-то сквозь меня. – Хотел толкнуть на рынке, но делец оказался ушлым. Говорят, это он его и грохнул.

– А кто делец?

– Да кто его знает? – встречает Бо. – Говорят, заезжий.

Значит, заезжий.

Уже вечерет, когда мы встаём из-за карточного стола. В моём кармане шуршат зелёные купюры, а скотч приятно согревает желудок.

– Тебе чертовски приятно проигрывать, – усмехается Яблонски, удерживая мою руку чуть дольше положенного.

– До скорого, – надеваю шляпу и выхожу в промозглый сумрак. Жёлтые огни фонарей плывут над тротуаром.

– Удачно? – спрашивает Бенкси. Бедняга промок насквозь, и его зубы стучат.

– Более чем.

В нашем городе не так много мест, где может остановиться заезжий гастролёр. Те, что победнее, я поручаю Бенкси. Те, что побогаче, беру на себя. Уже в третьем мне улыбается удача.

– Есть у нас один постоялец, – рассказывает консьерж, мой приятель, пока мы курим у чёрного входа. – Из номера выходит редко, но постоянно спрашивает, есть ли новая пресса, и ждёт звонка от кого-то из Чикаго.

Звоню в офис, телефонистка соединяет с Марлоу. Нет ли у Бенкси новостей? Нет, отвечает Марлоу, Бенкси говорит, что никто не заселялся в мотели, в которых он был.

Что же, пойду познакомлюсь с любителем прессы.

Стучу в дверь, пистолет на всякий случай держу наготове.

«Открыто», – доносится мужской голос.

Он сидит на кровати, развалившись на подушках. Из одежды только халат. В правой руке развёрнутая газета, в ногах валяется японский кот, отливая золотом в тусклом свете прикроватной лампы.

«Я здесь, чтобы забрать то, что вам не принадлежит», – говорю я.

Мужчина вздыхает, и я вижу, что из-под газеты на меня смотрит дуло пистолета. Щёлкает предохранитель, но я оказываюсь быстрее. Вокруг дыры в газете стремительно растёт багрово-красное пятно. Беру кота, проверяю нишу, о которой говорил Гармиш, убеждаюсь в том, что плёнка на месте, и спешу к выходу. Где-то вдалеке слышны полицейские сирены.

Мы в кабинете Гармиша. Вглядываюсь в темноту за окном, раздумывая над тем, сколько костей можно переломать, если упасть с высоты пятиэтажного дома.

– Не ожидал, что вы сработаете так быстро, – Гармиш разливает по бокалам виски и протягивает один из них мне.

Кот глядит на меня со стола, подняв правую лапу и, мне кажется, что я вижу в его глазах напряжение.

– Это было не так уж сложно, – слежу, как Гармиш отпивает из бокала, но к своему так и не прикасаюсь.

Гармиш усмехается и подходит к столу.

– Смотрели плёнку? – спрашивает он, открывая ящик.

– Нет, – отвечаю я, глядя ему прямо в глаза.

Конечно же это ложь, но с такой правдой не протянешь долго.

Гармиш не верит мне и продолжает что-то искать. Второй ящик, третий. Его движения становятся всё более нервными.

– Это ищешь? – я достаю из-за пояса его револьвер.

Что же вы, господин Гармиш, так нерасторопны и невнимательны?

Он бледнеет и отступает назад.

– Не бойтесь, господин Гармиш, мне всего лишь нужны мои деньги. Ваши секреты меня не волнуют.

Мужчина поднимает руки и подходит к сейфу. Оглядываясь через плечо, набирает комбинацию и открывает дверь. Я успеваю среагировать и падаю на пол. Пули уходят в окно. На пол сыпятся звонкие осколки. Я стреляю в ответ, он прячется за креслом.

– Это не по-джентельменски, – говорю я, поднимаясь. Он стреляет ещё раз, но пистолет даёт осечку. Кажется, у него кончились патроны. Поигрывая заряженным револьвером, обхожу комнату по дуге. Задерживаюсь у стола, чтобы дотронуться до кота. Гармиш тем временем перемещается к дивану. Ещё несколько шагов и ему просто некуда будет деться. Я прыгаю, и мы вместе падаем на диван. Он пытается скинуть меня, но дуло револьвера тут же оказывается у него во рту. Он замирает. Я сижу на нём верхом, смотрю сверху вниз и чувствую, что... Дьявол, да ему это нравится! Мой палец на спусковом крючке, и в любой момент он может лишиться половины головы, но ему это нравится. Чёрт побери, и мне, кажется, тоже. Неуверенным движением его руки касаются моих бёдер. Я жду, что он будет делать дальше. Он расстёгивает ширинку и начинает стягивать с меня брюки.

Кот в недоумении смотрит на нас.

– Ты ведь не убьёшь меня, правда, Ростер? – шепчу ему на ухо, пока мои пальцы возятся с пуговицами на его рубашке. Вытаскиваю пистолет из его рта, чтобы он мог ответить.

– Никогда, – выдыхает он, его глаза горят. – Ты самая сумасшедшая женщина из всех, кого я когда-то встречал.

Крутой Ринальдо

(в соавторстве с Инти Айя)

Моросящий дождь стекал с надвинутой на глаза шляпы. Эхо шагов по булыжной мостовой глухо отдавалось в сырых полутемных переулках. В памяти яркими вспышками плясали воспоминания прошедшего вечера.

День рождения Карлито. Лоснящиеся самодовольные рожи приспешников. Тосты под брызги запрещенного алкоголя, в котором плавают разноцветные конфетти. Смех полуголых танцовщиц из кабаре Мамы Мортон. Протяжный джаз струнного оркестра из Чикагского оперного. Чарующий голос несравненной Дивы. Всё самое лучшее, что можно купить за деньги.

Когда веселье достигает апогея, два дюжих мужика из пекарни Гвидо выкатывают торт. Кремовые розочки блестят на свету. Так же блестят глаза Карлито, когда он видит, как из торта выскакивает рыжеволосая красотка. Восторженные возгласы и аплодисменты затихают, лишь стоит ей достать «томми-ган» и начать палить.

Первым получит свою пулю Карлито. Потом Альфонсо, Джузеппе, Маленький Джо... Кто-то попытается выхватить револьвер, но не успеет.

Ринальдо будет наблюдать за происходящим через стеклянную дверь и медлить, поглаживая спусковой крючок. Это его место и его работа. Но лишь, когда у красотки закончатся патроны, он пустит пулю ей в затылок. Ничего личного. Он должен.

Кто-то должен.

Ринальдо обойдет столы, выставленные буквой П. Постарается не наступать в лужи крови, но ноги всё равно будут путаться в серпантине.

Все, кто сможет, разбегутся. Останется только Дива. Рыдая, она склонится над лежащим на полу Карлито. Его невидящие глаза будут смотреть в потолок, а из уголка губ будет стекать тонкая струйка крови.

У мафии больше нет босса.

Ринальдо усмехнулся, подумав об этом, поправил мокрую шляпу и коротко взглянул на светящиеся желтоватым светом окна второго этажа. Лючия ещё не спит. Опять, наверное, взяла работу на ночь.

Он ступил на узкие ступени крыльца, открыл дверь ржавым ключом. Деревянный барак встретил кислым запахом испорченных томатов и развешенного на лестнице белья.

«Ринальдо! – сразу же окрикнул его голос матери. – Где тебя черти носят? Роберто снова подрался. Выгонят! Потеряет место, о котором так хлопотал твой отец! Ринальдо!»

Но Ринальдо только отмахнулся, выругавшись себе под нос.

В узкой камерке, разделённой на две части выцветшей занавеской, было сумрачно и стыло. От окна, которое он давно обещается заделать, тянуло сквозняком. Тусклая настольная лампа освещала женщину, которая склонилась на коленях над тазом с бельём.

В былые времена Ринальдо наслаждался бы видом её позы, но сейчас она его совсем не трогала. Вытащив из-под кровати початую фляжку, он зажёл сигарету и растянулся на цветастом покрывале. Пружины скрипнули под его весом.

Лючия отжала очередную сорочку и, бросив её в кучу других выстиранных вещей, коротко глянула на него через плечо и снова взялась за стирку.

Она знала, что нельзя тревожить мужа, когда он приходил домой посреди ночи в перепачканном кровью костюме и сразу же прикладывался к любимой фляжке. Она ничего не говорила о том, что он тратил всё жалование на свои костюмы, выпивку и чёрт знает что, не принося домой ни пени. Она никогда не устраивала из-за этого сцен. Хорошее настроение Ринальдо было для неё важнее собственных желаний и мнения. Она была готова безропотно делать всё во имя семьи и хлипкого благополучия, даже жить в этой лачуге с закоптившимися обоями и без надежды на лучшее.

С тихим вздохом Лючия поменяла положение, выпрямив затёкшую спину.

Ринальдо повернулся на звук, окинул взглядом оплывшую фигуру супруги. Четвёртый месяц или уже пятый? Да какая разница!

Завинтив крышку, он приподнялся на постели.

– Иди сюда! – процедил он сквозь зажатую в зубах сигарету.

– Дети услышат, – бросив взгляд на колыхнувшуюся занавеску, прошептала она.

– Твоя проблема, если они не спят.

Рывком Ринальдо встал с кровати и, расстегнув брюки, дёрнул головой, приказывая Лючии лечь. Она колебалась, но не долго. Схватив за руку, он развернул женщину к себе спиной и задрал юбку.

В мыслях он был далеко от этой грязной каморки. И не с Лючией, а с Ней – с его Дивой.

Дива! Ради неё стоило жить и умереть, не дрогнув. Его сердце принадлежало ей с того самого момента, когда он впервые её увидел.

Он думал о ней, пытаясь вызвать в памяти образ, но на тёмном фоне сомкнутых век подрагивал лишь едва обозначенный силуэт, мягкий локон белокурых волос, яркая нарисованная точка-родинка над губой. Ноздри щекотал призрачный вишневый аромат её помады. Он не знал этого наверняка, но ему казалось, что у её губ должен быть именно такой вкус. И ведь она ничего ему не обещала, только мельком взглянула, выходя из апартаментов босса, а сегодня даже не посмотрела на него. Неужели она действительно так любила Карлито?

«Ничего, – думал Ринальдо, и его движения становились всё яростнее, – она будет моей».

С крысами разговор короткий. Уже на следующий день у пекарни Гвидо был новый декор. Кроваво-красные разводы интересно сочетались с белёным деревом и картонными муляжами тортов.

– Нахрена этот маскарад? – ругался Тони, засучивая рукава рубахи.

– Гвидо работал на картель, – сплюнув на пол, произнёс Ринальдо. Его раздражало, что приходилось снова объяснять простые вещи. – Если мы сунемся к картелю просто так, они положат нас, не успеем мы и шагу ступить. Нам нужно автоматическое оружие, и у них оно есть.

– Ну так, а маскарад-то нахрена? – подключился Бени, напяливая котелок.

– Пусть картель думает, что их ограбили ирландцы.

– Аааа... – лица подельников наконец озарились пониманием.

Пока картель и настоящие ирландцы, которые не имели никакого понятия о подставе, были заняты друг другом, в лоне итальянской мафии зрел новый лидер – Ринальдо Капетти. Он был дерзок и умён, а все, кто с этим был не согласен, вскоре обретали новое место жительства. Гробовщик на кладбище Святого Креста купил себе новые часы и не просыхал второй месяц.

Сжимая в зубах сигару, Ринальдо смотрел на погрязший в огне, крови и разврате город, и сердце его ликовало. Теперь в городе не было никого главнее его. Он стал самым большим боссом, а тех, кто пытался этому сопротивляться, он без жалости сжил со света.

– Приведите её ко мне, – бросил он своим людям, отпив из бокала бренди.

Её привели почти сразу, как будто держали за дверь. Дива сверкнула в него глазами из-под траурной вуали.

– Что тебе нужно от меня? – с вызовом спросила она.

– Ты, – посмеялся он, вразвалочку приближаясь к ней.

– Ты жалок. Нищий, который стал принцем. Тебе не идёт этот костюм, он слишком велик. Он из гардероба Карлито, ведь так? Ты всё донашиваешь за ним? Его вещи, его автомобили, его квартиры, его... супругу. Я знаю, ты возьмешь меня и будешь обладать моим телом, но ты никогда не получишь мою душу.

– Ах ты, сука! – он замахнулся и сорвал с неё вуаль, ударив по щеке. – Это всё ради тебя! Всё было сделано ради тебя! Я! Я подставил Гвидо! Я отправил Карлито эту посылку из Ада! Я развязал эту войну! Я! Я люблю тебя, и буду доказывать тебе это каждую минуту. И начну прямо сейчас.

Грубо схватив за плечи, Ринальдо повалил её на пол. Дива не сопротивлялась и не издавала ни звука, пока он не закончил своё дело.

Он встал, оставив её лежать на полу и, хлебнув виски прямо из бутылки, схватил пистолет. Всё было не так, как он хотел, как представлял в своих мечтах. Вся его жизнь была потрачена напрасно, и обладание желанной женщиной не принесло никакого удовлетворения.

– Тогда ты сдохнешь, – прошипел он сквозь зубы и, прицелившись, пустил ей пулю в лоб. А потом ещё и ещё, пока в револьвере не остался один патрон.

Судорожно вздохнув, Ринальдо отпрянул назад, только сейчас начиная осознавать случившееся. Его взгляд зацепился за отражение в зеркале. Он увидел свои слипшиеся взъерошенные волосы и поросшее щетиной лицо и испытал такое отвращение, какого не испытывал никогда в жизни. Он действительно был жалок. Тогда Ринальдо поднял руку и пустил последнюю пулю себе в голову. Но пуля лишь чиркнула ухо, пронзив его адской болью.

– Ты даже себя убить не можешь! – закричал он.

На улице раздался вой сирен. Метнувшись к окну Ринальдо увидел, как у дома останавливаются полицейские автомобили и из них выскакивают копы.

Бежать, скрываться... нет, он знал, что должен сделать. Это был шанс. Шанс рассказать всё.

Он спешил вниз по лестнице, спотыкаясь на ступенях. Пистолет, всё ещё зажатый в его руке, сверкал в вспышках сирен. Полицейские, расценив его как угрозу, дали залп из винтовок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

